

УДК 778.5:27

DOI: 10.34670/AR.2021.91.88.002

Реализация смыслов: умиротворение и духовность в художественном образе юродивого Христа ради

Штумпф Светлана Петровна

Доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии, социологии и религиоведения,
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
660049, Российская Федерация, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89;
e-mail: stumpf@kspu.ru

Бурмакина Наталья Алексеевна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры общего языкознания,
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
660049, Российская Федерация, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89;
e-mail: nata-burmakina@yandex.ru

Аннотация

Через художественный образ главного героя фильма П. С. Лунгина «Остров» исследуется феномен юродства Христа ради, являющийся устоявшимся явлением для русской социокультурной традиции. Основными личностными свойствами представителей юродства признаются следующие: религиозность, смирение, аскетизм, способность к предвидению (ясновидению), исцелению. К поведенческим паттернам относятся направленность помыслов и действий на окружающих людей, неформальность, нерегулируемость поведения, одиночество, готовность и лёгкое принятие смерти. Анализ фактологической стороны повествования, текста, характеров, воплощённых режиссёром и актёрами кинофильма, позволил выявить в образе отца Анатолия черты, присущие феномену юродства, раскрыть путь духовного испытания, приводящего его к умиротворению. Установив и подтвердив существующие соответствия, достоверно определено, что данный герой воплощает в себе понимание образа юродивого Христа ради нашими современниками.

Для цитирования в научных исследованиях

Штумпф С.П., Бурмакина Н.А. Реализация смыслов: умиротворение и духовность в художественном образе юродивого Христа ради // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 1А. С. 212-218. DOI: 10.34670/AR.2021.91.88.002

Ключевые слова

Юродство Христа ради, художественный образ, социокультурная традиция, религиозность, аскетизм, духовность, умиротворение.

Введение

В 2006 году Павлом Семёновичем Лунгиным был снят фильм «Остров». В творчестве режиссёра фильм стал первым прямым обращением к христианской тематике, однако не единственным, поднимающим проблематику нравственных императивов. По сути, это глубокое размышление о вопросах веры и безверия, возможность через художественный образ раскрыть феномен юродства Христа ради, являющийся неотъемлемым для русской социокультурной традиции [Федотов, 1990]. Обращение к данной тематике обусловлено несколькими факторами. После века господства атеизма и массовых гонений на церковь в России вновь возродилась религиозная жизнь. В стране нет официально утверждённой единой государственной религии, но по числу приверженцев, по самоидентификации православие преобладает над другими конфессиями. Это указывает на большой интерес к русской православной церкви и к религии в целом. Следует учесть также, что православная церковь называет себя католической, вселенской, подразумевая пространственную, временную и качественную универсальность для представителей всех народов, проживающих на территории России. Люди идут к церковным святыням за поддержкой и помощью. Таковым является и обращение к юродивым, имена которых в нашей стране известны не только крещёным людям, но и тем, кто далёк от церкви (наиболее известны: Василий Блаженный, Ксения Петербургская, Матрона Московская). Юродство Христа ради представляет собой феномен религиозного подвижничества на протяжении последнего тысячелетия истории нашей страны. Проявляясь во вполне определённых паттернах поведения и свойствах личности, он сохраняет и передаёт духовный опыт российской социокультурной традиции [Ключевский, 1988].

Ещё один фактор, актуализирующий обращение к теме юродства – это наличие во все времена людей не таких как все, не понятных для других, странных. Поскольку термин «юродивый» весьма неоднозначен, то порой им наделяют всех, кто просто не соответствует принятым общественным нормам, либо поступает вопреки здравому смыслу. Так, наравне со святыми, юродивыми у нас называют и простых сумасшедших. По мнению С. И. Ожегова юродивого следует понимать как безумца, обладающего даром прорицания; в таком случае юродство представляется как не имеющий смысла нелепый поступок [Ожегов, 2006, 915]. Иной точки зрения придерживается В. И. Даль, он считает, что это безумие намеренное [Даль, 1980, 669].

В этимологическом словаре древнерусское слово «уродъ» трактуется как слабоумный, юродивый, образовано с отрицанием от существительного «род» и отмечает человека с физическими или психическими недостатками развития. Юродивый имеет значение: слабоумный, психически не вполне нормальный человек, «...порой нищенствующий, по мнению глубоко верующих людей, обладающий даром ясновидения» [Семёнов, 2003, 271]. Русская восточнославянская форма «урод» сложилась из добавления приставки «у», которая расширяет толкование слова, придавая ему коннотирующее значение «ущербность», «недостаток», «убыль». Однако в отечественной социокультурной традиции термин «юродивый» трактуется несколько под иным углом зрения – со смысловой приставкой «Христа ради». То есть понимается как показное провокационное безумие, в специфической форме выказывающее особый тип аскетике. Типологическими характеристиками юродивых Христа ради признаются следующие: религиозность, смирение, аскетизм, способность к предвидению (ясновидению), исцелению [Федотов, 2004, 292–295, www]. К поведенческим мотивам относятся направленность помыслов и действий на окружающих людей, провокационные

неформальность и нерегулируемость поведения, условное одиночество, особый вид немотствования, то есть молчаливоства, уничтожение тела и плоти, готовность и лёгкое принятие смерти [Руди, 2007, 283–284]. Складывается исследовательский вопрос настоящего материала: насколько типические, основополагающие черты юродства Христа ради сопоставимы и выказаны в образе главного героя произведения П. С. Лунгина «Остров»?

Основная часть

В фильме художественно воплощён путь православного монаха отца Анатолия, который стремится жить по заповедям блаженства, но находится под гнётом вины и уничтожает себя мотивом собственной греховности. Состояние беспредельной полноты бытия в Боге омрачено малодушным поступком, совершённым в 1942 году, когда он будучи кочегаром на советской барже расстреливает своего шкипера Тихона, боясь угрозы со стороны немцев, которые захватили советское судно. Предательский поступок спасает ему жизнь, но немцы минируют баржу, которая взрывается со струсившим рабочим. Он чудом остаётся в живых, прибившись к острову, где находится монастырь. Кочегар обязан спасением монахиням, которые излечивают его.

Повествование фильма продолжается в 1976 году на безымянном острове, где кочегар становится монахом Анатолием и несёт послушание монастырского истопника, который живёт в котельной. Аскетический образ жизни старца, способность исцелять молитвой от болезней и провидеть, наставлять на благодный путь в трудных жизненных обстоятельствах, – это то, что отличает отца Анатолия от других монахов и привлекает мирян, которые специально для встречи с ним приезжают на остров [Руди, 2015, 457]. Жизнь монастыря идёт своим чередом, но иной устав, тот самый провокационный, определяет для себя отец Анатолий. Его нарочитая личина безумного, странности в поведении нарушают размеренный уклад монастырской жизни. Его нестандартные поступки (рассказ о себе в третьем лице, подражанием звукам птиц, демонстративная отдалённость в молитве от других монахов, опоздание на службу в храм или отсутствие на литургии, подкладывание обгорелой головни в ноги настоятелю Филарету, а потом и поджог и сапог и одеяла в котельной) имеют знаковый характер. Прибегая к таким «юродским пакостям», он выказывает одну из типологических черт юродивого Христа ради – нежелание «славы» от братии и других людей, связывая их с гордыней, которая приведёт его к гибели (Руди, 2007, 465). Столь же типичным признаком является особого рода молчаливоство (условное, относительное): герой фильма владеет речью, но редко выражает мысли явственно, чаще бубнит неразборчиво, или вовсе умалчивает (Руди, 2007, 507–509; Махно, 2018, 75). Таким способом монах даёт возможность людям самим задуматься о своей жизни.

Несмотря на стремление стяжать мирный дух в молитве и смирении, заручившись поддержкой настоятеля, отец Анатолий живёт отягощённый раскаянием, с осознанием предательского убийства своего шкипера. Это преступление наполняет его жизнь страданием, приводит его к усердной уединённой молитве в глубине острова, куда он уплывает в полном одиночестве.

Возможность осознать, что прощение на преступление вымолено, отец Анатолий получает после того, как на остров приезжает адмирал с больной дочерью. После сильной аварии и смерти мужа женщина одержима бесами. Старец проводит над ней обряд экзорцизма (образ изгнания бесов) и освобождает несчастную от недуга. В ходе беседы с отцом больной отец Анатолий

узнает о том, что их связывает трагическая история 30-летней давности, потому что адмирал был шкипером Тихоном, которого кочегар ранил в руку, но это не помешало ему выжить. Спасенный адмирал уже давно не держит зла и обиды на отца Анатолия. Эти слова стали освобождением для старца, который получил долгожданное искупление и считает, что теперь может покоиться с миром. Умиротворение в его душе состоялось.

Рассматривая кинематографический текст, систему образов, определим черты юродивого Христа ради, которые нашли воплощение в образе отца Анатолия. Выявление существующих соответствий позволит выявить и, далее, утвердить в герое фильма «Остров» образ юродивого начала XXI века.

Проанализируем наличие **показанного, намеренного безумия**. Эта черта выражена в образе отца Анатолия, отражается в уничижающих высказываниях окружающих: «старец малахольный», «невозможно (его) терпеть», «какой Вы гадкий человек», «что он ещё натворил?» (те самые «юродские пакости»). Эти выражения передают неприятие людей, которые не могут понять иное поведение героя. Возможность «быть другим» допускает только настоятель монастыря Филарет, который сочувствует отцу Анатолию, хотя и не понимает мотивов его поступков своеобразного монаха: «Что прикажешь делать с тобой, проказник?». Настоятель открывает для себя истинного подвижника в лице отца Анатолия, когда пытается понять его мотивы, придя на ночь в его котельную (испытание углями): «Я благодарен тебе, брат, ты показал мне, что веры во мне мало». Ответ старца полон смирения и уничижения: «Какой я святой? Мира нет в душе. За мои грехи удавить меня мало». Мы сталкиваемся с понятием «умиротворение», которое пока у него отсутствует.

В полной мере в образе отца Анатолия раскрыта такая черта, как **религиозность**. Его отличает неустанная молитва, любое занятие (послушание истопника, когда он развозит уголь по помещению монастыря, топит печь; вход в храм; одиночное плавание в лодке, прогулки по острову) сопровождается молитвенным состоянием старца. Его жизнь в молитве проходит среди монастырской братии и мирян, которые приезжают на остров за исцелением. Он стремится к сосредоточенности в молитве, к внутреннему и внешнему одиночеству. В стремлении ко спасению души он получает Божию помощь и несёт этот дар смиренно: «Одно не пойму: за что мне всё это? Почему именно через меня Господь наставляет?».

Смиренность образа отца Анатолия ярко воплощена во внешних и внутренних диалогах с отцом Иовом, который испытывает неприязнь к старцу. На вопрос «Да ведь ты меня не любишь, отец Иов?» отец Анатолий получает категоричный ответ монаха: «А за что тебя любить?». Такая реакция отца Иова приводит старца к смиренному покаянию за нелюбовь – столь яркое чувство, которое он вызвал у брата-монаха. Отец Анатолий сильно огорчается («Прости ты меня, грешного») и кланяется до земли отцу Иову.

Аскетичность в образе отца Анатолия проявляется в отказе от всех благ, в отвержении телесности, в стремлении выполнять самую грязную работу для монастыря. Кроме того, его быт – в холодной сараюшке, в котельной, он спит на куче угля [Юрьева, 2015, 152]. Он осознанно выбрал путь «чёрного» труда, и, через него, уничижения и страдания.

Помогая другим людям (монахам и мирянам), отец Анатолий не заботится о себе, всецело вверяя себя Богу. Во взаимодействии с людьми у старца проявляется такая черта, как **нерегулируемость, неформальность поведения**. Так, он набрасывается с кулаками на женщину, которая приехала получить благословение на аборт. Хотя она не успевает сказать ему о цели визита, отец Анатолий уже знает её намерения. Неожиданность и нерегулируемость поведения о. Анатолия проявляется в том, что он разыгрывает в одном своём лице две роли «Я»

(грязный работник, истопник) и «не Я» (старец, отец Анатолий), предстаёт перед просителями в двух личинах: как обслуга, которая занята работой, выполняет насущные монастырские обязанности, и как старец, человек, даёт советы, помогает страждущему. Он откладывает помощь, отказывается от статуса «святого», не считая себя причастным к воле Бога о человеке просящем. Его **внешняя линия поведения** представлена маской странного сумасбродного чудака. Старец скрывает откровение или преграждает путь любопытным ненужным людям, когда смазывает дверную ручку сажей. Далее он нарочито просит прощение за этот глупый поступок. Его дикий крик в подражание птицы возник интуитивно, стал знаком встречи с больной дочерью адмирала, через крик было установлено взаимопонимание и произошло выздоровление. **Внутренняя линия поведения** отца Анатолия выражена в монологических сценах, в потоке его внутренней речи, когда он находится в молитвенном состоянии, наполненный религиозностью, когда совершает исцеление страждущего. У него, как и у Христа ради юродивых, «телесные его очи всегда были возведены к небу, а духовные – к Богу» [Скляревская, 2000, 270].

Дар исцеления и предвидения явно представлен в образе отца Анатолия: к нему с большой земли приезжают просители-миряне. Он не обнадеживает просящих, но делает всё возможное через вознесённую к Богу молитву. При этом не приписывает себе чудес выздоровления, а только признаёт в себе человеческие грехи. Эта смиренность составляет сущность всех юродивых, что явно выражено в образе отца Анатолия в фильме «Остров» [Токарев, 2017, 37–38]. Предвидение, духовная прозорливость считаются лишь в контексте, поскольку отсутствуют прямые указания – такие слова, как «ясновидение» и «предсказание». Но эти смыслы, мотивы в виде практик реализуются в эпизодах фильма. К ним относятся знаки-предвестники (обожжённая головня, подражание крику птицы); предугадывание письменной жалобы отца Иова, которое выражено афористично: «Я забыл, за что Каин Авеля убил?»; знание о беременности незамужней женщины; ясновидение о жизни других мирян. Ярким проявлением рассматриваемой черты является видение собственной смерти после отпущения греха предательства, когда адмирал умиротворяет старца с его совестью. Это служит источником согласия отца Анатолия с самим собой. Обретя «мир в себе», старец просит похоронить его (и вновь предвидение) в старом ящике из-под сетей: «Умирать не страшно. Страшно перед Богом стоять – грехи дают». Однако свой тяжкий грех отец Анатолий искупил, душа его наконец освободилась [Минеев, 2009, 234]. И Господь отвечает его запросу, воздаёт как истинно святому человеку – дарует смерть.

Заключение

Проведенный анализ показал наличие основных черт юродивого Христа ради в образе главного героя фильма П. С. Лунгина «Остров». К таким чертам относятся намеренное показное безумие, религиозность и смирение, аскетический образ жизни, стремление направить свои деяния на внешний мир, на помощь людям, что реализуется в способности предвидения и дара исцеления. Кроме того, в художественном образе старца воплощаются стремление к одиночеству, молчаливости, внутренняя и внешняя линии поведения, нерегулируемость, провокационность поведения и движущих мотивов. Эти черты и специфические кинематографические средства художественной выразительности передают понимание человеком XXI века образа юродивого Христа ради, отражают в нём исконную русскую социокультурную традицию и транслируют её потомкам.

Библиография

1. Даль В. И. (1980) Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык. Т. IV. 683 с.
2. Ключевский В. О. (1988) Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука. 512 с.
3. Махно О. А. (2018) Молчание как концептуальная метафора в мультипликационном фильме А. К. Петрова по рассказу Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» // Культура и цивилизация. Том 8. № 2А. С. 73–81
СТРАНИЦА 75 МОЛЧАНИЕ
4. Минеев В. В. (2009) Научное познание как способ адаптации к факту конечности существования // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. № 8. С. 233–240.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. (2006) Толковый словарь русского языка. М.: Российская академия наук; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 941 с.
6. Руди Т. Р. (2007) О топике житий юродивых // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 58. СПб., С. 443–484.
7. Руди Т. Р. (2015) Об аскезе юродивых (из истории агиографической топике) // Slověne.. Т. 4. № 1. С. 456–473.
8. Семёнов А. В. (2003) Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. М.: Юнвес, 704 с.
9. Скляревская Г. Н. (2000) Словарь православной церковной культуры. СПб.: Наука, 278 с.
10. Федотов Г. П. (2004) Русская религиозность. Ч. 2. XII: Юродивые [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/filosofiya/fedotov/fedotovrusskayarelig2/13> (дата обращения: 20.01.2021).
11. Федотов Г. П. (1990) Святыи Древней Руси. Москва: Московский рабочий. 272 с.
12. Юрьева Т. В. (2015) Труд как категория средневековой культуры и его православные коннотации // Ярославский педагогический вестник. № 1, т. 1: Гум. науки. С. 151–155.
13. Токарев С. С. (2017) Образ монастырского юродивого в кинофильме Павла Лунгина «Остров»: тест на соответствие канону // Визуальные образы современной культуры: светские и религиозные стратегии построения жизненного мира: сб. науч. ст. по мат. VI Всероссийской науч.-практич. конф.; отв. ред. П. Л. Зайцев. Омск: ОГУ им. Ф. М. Достоевского, С. 37–39.

Realization of meanings: peace and spirituality in the artistic image of the Holy Fool for Christ's Sake

Svetlana P. Shtumpf

Doctor of Philosophy, Docent, Professor at the Department of philosophy and social sciences,
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev,
660049, 89 Ady Lebedevoi st., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: stumpf@kspu.ru

Natal'ya A. Burmakina

PhD in Philology, Associate Professor at the Department of General linguistics,
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev,
660049, 89 Ady Lebedevoi st., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: nata-burmakina@yandex.ru

Abstract

Through the prism of the artistic image of the protagonist of the film "The Island" by P. S. Lungin, the article examines the phenomenon of foolishness for Christ's sake, which is an established phenomenon in the Russian sociocultural tradition. The main typological features of the representatives of foolishness are the following: religiosity, humility, asceticism, the ability to foresight (clairvoyance), and healing. Behavioral practices include the focus of thoughts and actions on the people around them, provocative informality, unregulated behavior, conditional loneliness, a special kind of silence, humiliation of corporeality, readiness and easy acceptance of death. The methodological basis of the study

is a comparative approach, which allows to study in detail the correspondence of the traditional Orthodox type of the holy fool Christ for the sake of the image of the main character of the film, P. S. Lungin. An analysis of the factual side of the narration, text, characters embodied by the director and the actors of the film made it possible to reveal in the image of Father Anatoly the features inherent in the phenomenon of foolishness, to reveal the path of spiritual testing that leads him to pacification. The established and confirmed correspondences have reliably determined that this hero embodies the understanding of the image of the foolishness Christ for the sake of our contemporaries.

For citation

Shtumpf S.P., Burmakina N.A. (2021) Realizatsiya smyslov: umirotvorenje i dukhovnost' v khudozhestvennom obraze yurodivogo Khrista radi [Realization of meanings: peace and spirituality in the artistic image of the Holy Fool for Christ's Sake]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (1A), pp. 212-218. DOI: 10.34670/AR.2021.91.88.002

Keywords

Foolishness for Christ's sake, artistic image, sociocultural tradition, religiosity, asceticism, spiritual outlook, appeasement.

References

1. Dal' V. I. (1980) *Tolkovii slovar' jivogo velikoruskogo yazika* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. M. Russkii yazik. T. IV
2. Fedotov G. P. (2004) *Russkaya religioznost* [Russian religiosity]. Vol. 2. XII: Yurodivye [Foolishness]. Available from: <http://www.odinblago.ru/filosofiya/fedotov/fedotovrusskayare..2/13> [Accessed 20/01/21].
3. Fedotov G. P. (1990) *Svyatii Drevnei Rusi* [Saints of Ancient Russia]. Moskva: Moskovskii rabochii.
4. Klychevskii V. O. (1988) *Drevnerusskie jitiya svatyah kak istoricheskii istochni*. [Old Russian lives of the saints as a historical source]. M.: Nauka.
5. Mahno O. A. (2018) *Molchanie kak konceptual'naya metafora v mul'tiplikacionnom filme A. K. Petrova po rasskazu F. M. Dostoevskogo «Son smeshnogo cheloveka»* [Silence as a conceptual metaphor in the animated film by A. K. Petrov based on the story by F. M. Dostoevsky "The Dream of a Funny Man"]. *Kultura i civilizatsiya* [Culture and civilization]. T. 8. no. 2A. pp. 73–81.
6. Mineev V. V. (2009) *Nauchnoe poznanie kak sposob adaptatsii k faktu konechnosti sushchestvovaniya* [Scientific knowledge as a way of adaptation to the fact of the finiteness of existence]. *Gumanitarij: aktualnye problemy nauki i obrazovaniya* [Humanities: actual problems of science and education], no. 8, pp. 233–240.
7. Ojegov S. I., Shvedova N. Y. (2006) *Tolkovii slovar' russkogo yazika* [Explanatory dictionary of the Russian language]. M.: Rossiiskaya akademiya nauk; Institut russkogo yazika im. V. V. Vinogradova.
8. Rudi T. R. (2007) *O topike jiti yurodivivih* [On the topic of the lives of the foolishness]. Vol. 58. In: *Trydi Otdela Russkoi literaturi* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. СПб., pp. 443–484.
9. Rudi T. R. (2015) *Ob askeze yurodivivih (iz istoirii agiograficheskoi topoki* [On the asceticism of holy fools (from the history of hagiographic topics)]. *Slověne..* T. 4. no. 1. pp. 456–473.
10. Semyonov A. V. (2003) *Ehtimologicheskij slovar russkogo yazyka*. *Russkij yazyk ot A do YA* [Etymological dictionary of the Russian language. Russian language from A to Z]. M.: Yunves.
11. Sklyarevskaya G. N. (2000) *Slovar pravoslavnoi russkoi kulturi* [Dictionary of Orthodox Russian culture]. SPb.: Nauka.
12. Tokarev S. S. (2017) *Obraz monastirskogo yurodivogo v kinofilme Pavla Lungina «Ostrov»: test na sootvetsvie* [The Image of a monastic fool in Pavel Lungin's film "Island": a test for compliance with the Canon]. In: *Visualnii obrazi sovremennoi kulturi: svetskie i religioznie strategii posrtoeniya jiznennogo mira*. [Visual images of modern culture: secular and religious strategies for building a life world]. Omsk: OSU, pp. 37–39.
13. Yureva T. V. (2015) *Trud kak kategoriya srednevekovoj kultury i ego pravoslavnye konnotatsii* [Work as a category of medieval culture and its Orthodox connotations]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik: Gumanitarnye nauki* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin: Humanities Science], no. 1, pp. 151–155.